

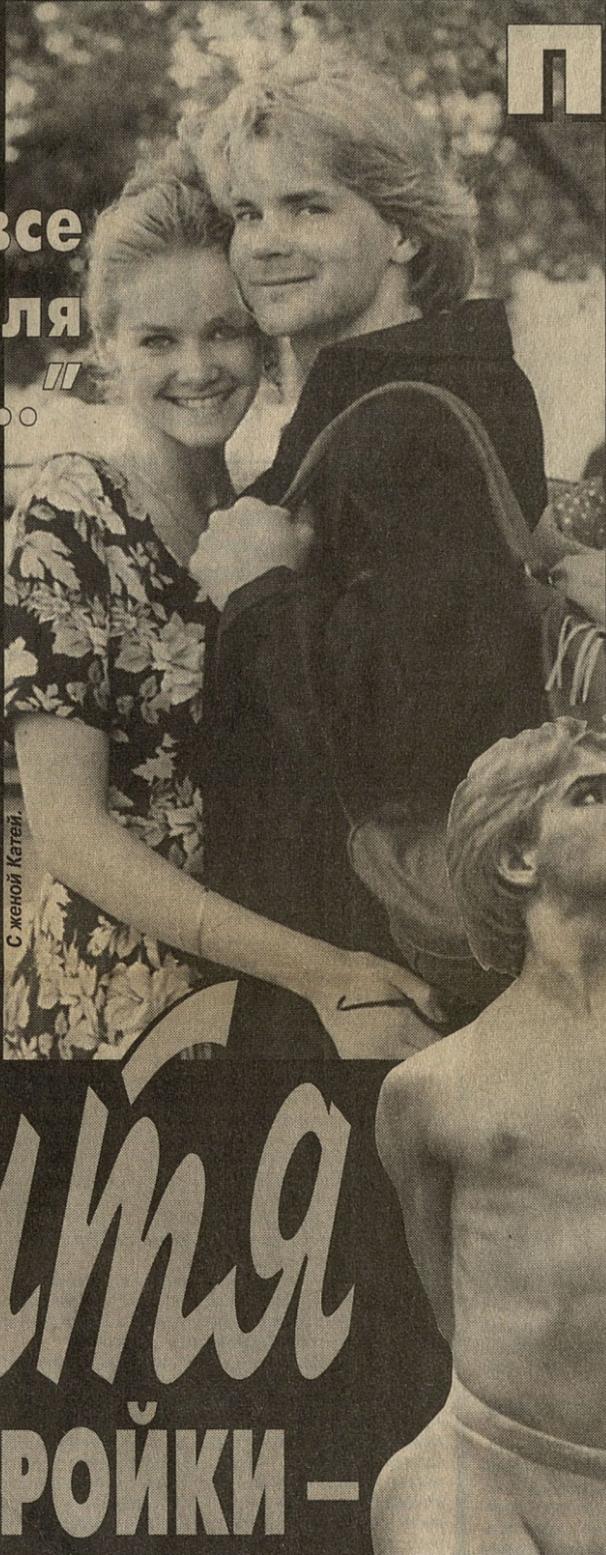
Андрис ЛИЕПА:

"На все воля

Божья...

Нет в истории балета танцовщика более красивого, чем он. Его балетные принцы изысканны и чувственны, словно недоступная греза. Андрису Лиепе, сыну легендарного Мариса Лиепе, удалось обрести независимость от имени своего отца и стать танцовщиком-звездой. Хотя что касается упрямства, работоспособности, любви к успеху — он весь в Мариса.

С женой Катей

Дитя ПЕРЕСТРОЙКИ — ПРОТИВ СЕКСА

— Андрис, объясните, как вам во времена СССР удалось стать первой приглашенной звездой в западных балетных труппах? Разве подобное можно было осуществить тогда, не разорвав все отношения с советской родиной?

— Находясь вместе с Большим театром на гастролях в Канаде, я приехал в Нью-Йорк и договорился о встрече с Барышниковым. Мой разговор с ним длился пятнадцать минут, но я так сконцентрировался на этой беседе и настолько выложился энергетически, что, когда вернулся в отель, проспал девять часов. Миша как раз ставил "Лебединое озеро" — я станцевал премьеру, став к концу сезона ведущим артистом труппы.

— В то время в Большом у власти находился Юрий Григорович. Вы с ним согласовывали свой уход из театра и нужно ли было это делать?

— На самом деле нужно, но я понимал, что это невозможно. Поэтому сначала ушел, а потом — сказал. Мне повезло: тогда уже наступила эпоха Горбачева и началась перестройка. В Америке меня звали "дитя перестройки".

— В этот момент у вас уже была жена-американка или она появилась позже?

— Была. Мы с ней познакомились во время моих гастролей: она работала в ООН. Это тоже помогло. Чиновники понимали: если мне не дать визы через Министерство культуры, то я получу ее через ОБВИР.

Нуреев, Бежар и другие

— Вы были знакомы с Рудольфом Нуреевым. Что-то было в нем необычного, что вас сразу поразило?

— Образованность. Интересы его не ограничивались только балетом. Бывая у него дома, я видел потрясающие коллекции — картин, тканей, костюмов... Он показывал мне старинные французские и итальянские костюмы, которые он покупал на аукционах. Рудольф очень серьезно занимался музыкой, сценографией. Как память о наших встречах у меня осталась видеокассета. Когда я впервые встретился с Рудольфом, то попросил разрешения познакомиться с ним в квартире. Теперь этой квартиры нет, коллекций, так тщательно им собираемых, — тоже все распродано. Жаль, что не удалось сделать музей. Рудольф показывал мне и свой фантастический остров Галли, который он купил у наследников хореографа Леонида Мясина. Там он собирался сделать

летнюю школу для артистов, где они могли бы заниматься музыкой, историей искусства. Но остров тоже продан.

— К Бежару вы тоже пришли сами?

— Да. Когда вместе с Мариинским театром был на гастролях во Франции, увидел в Париже балет Бежара "Кольцо Нибелунгов" и просто влюбился в роль Зигфрида. Я попросил, чтобы меня представили Морису, предложил свои услуги. Бежар редко берет гостей — мне повезло. Правда, "Кольцо Нибелунгов" мне так и не удалось станцевать. Но зато станцевал в "Песнях странствующего подмастерья". Бежар поставил этот балет для Рудольфа Нуреева и Паоло Бортолуччи. Но самое фантастическое — то, что спектакль мне показывал Хорхе Донн, который тоже там танцевал.

— Когда вы встречались с Донном, Нуреевым, было заметно, что они больны СПИДом?

— Нет, никаких ощущений по поводу их болезни у меня не было. За рубежом мне приходилось встречаться со многими людьми, которые, как потом оказывалось, были больны СПИДом.

О сексе — ни слова

— На сцене вы всегда выглядите очень притягательно и сексуально. На ваш взгляд, балет — искусство сексуальное?

— Это зрители должны решить. Все зависит от того человека, который смотрит. Однажды сижу на спектакле, а за мной кто-то шепчет: "Ой, смотри, там волосики видны..."

— Какие еще волосики?.. Я совсем про другое. Наверное, не случайно вы появляетесь в нарядах, тщательно обнажающих, подчеркивающих ваше тело... Морис Бежар вообще считает, что секс и Бог — едины.

— Вы говорите о Бежаре, но в одном из балетов он совместил танго и Моцарта, что недопустимо: они несовместимы. То, что говорит Бежар, принадлежит только ему, — я бы не совмещал два этих понятия.

— Двадцатый век позволил и позволяет не только Бежару, но и многим другим художникам совмещать несовместимое. Главное — результат.

— Вы, наверное, не понимаете термина и того, где его надо, а где не надо использовать. Вы взяли цитату Бежара, вырвав ее из контекста.

— Что в этом термине криминального? То, что говорит Бежар, — не цитата, вырванная из контекста, а все его творчество.

— Криминального ничего нет, но к балету

ПЕРСОНА

слово "секс" я бы не стал применять. Я не хочу обсуждать эту тему. Я в данном случае тоже имел в виду другое — например, то, что балет зародился в качестве искусства как эротического, так и религиозного.

— Хулио Бокка снялся обнаженным для "Плейбоя" — вам не поступали предложения сниматься обнаженным?

— Я очень много снимался в самых известных журналах — "Эль", "Вог", "Интервью", "Тайм", — но подобных предложений не поступало.

— Насколько вам это кажется творчески интересным?

— Фотографий Хулио Бокка я не видел — все зависит от искусства фотографа, и совсем не обязательно обнажать все. Я видел книгу Версаче с его фотографиями. Это очень красиво. Скажем, Клаудиа Шиффер и Сильвестр Сталлоне: они обнажены — лишь декоративные тарелки от Версаче прикрывают некоторые места.

— А почему в древнегреческой скульптуре нет никаких тарелок, которые что-то прикрывают?..

— Конечно, дело не в тарелках, а в искусстве фотографа.

— В фильме "Короткое дыхание любви" в некоторых эпизодах вы появляетесь обнаженным, без какого-либо прикрытия, — вас это не смущало? — Нисколько.

Фамильная квартира в Брюсовом

— Чья это квартира, где мы беседуем?

— Родителей жены.

— А что же ваша фамильная

— в Брюсовом переулке?

— Там — капитальный ремонт.

Вообще, дом в Брюсовом — удивительный дом. Он строился по указу

Луначарского архитектором Щусевым.

Здесь жили выдающиеся артисты; одна

квартира занимала целый этаж. Та, в

которой живем мы, когда-то принадлежала

Екатерине Васильевне Гельцер.

Здесь есть колонны, лепнина, камин, когда-то

был и маленький бассейн, — потому

квартиру разделили, и вот одну

половину отдали нам. В этой

квартире в один из своих приездов

жила Айседора Дункан...

— Эта квартира кооперативная —

ее купил ваш отец?

— Нет, ее выделил Большой театр. В 1962

году, когда умерла Екатерина Васильевна, квар-

тиру перешла театру, поскольку у Гельцер не было

родственников. И ее выделили отцу. На этом

доме есть памятные доски с именами Леонидова,

Качалова, Гельцер. Отец, когда был жив, говорил,

что здесь есть место и для него. И вот два года

назад на доме открыли мемориальную доску с его

именем.

— Многие в ранней смерти Мариса Лиепе

обвиняли тогдашнего руководителя балета

Большого — Юрия Григоровича...

— Нет, это судьба. Недавно ушел из жизни

Александр Богатырев — примерно в том же возрасте,

что и отец. Отец — как комета: пронесся и сгорел.

И в то же время я не могу представить его

больным, немощным, старым... Наверное, это воля

Господа: он забирает человека тогда, когда нужно.

Хотя, конечно, у меня был шок. Я находился в Америке

— у меня в тот день было "Лебединое". Барышников

сказал, что можно не танцевать. Но я танцевал,

потому что помнил: когда у отца умерла мама,

он танцевал "Жизель". Танцевал для нее: она

очень любила этот балет. То "Лебединое" я танцевал

для отца...

— То, что ваш отец находился в конфликте

с Григоровичем, отразилось на вашей карьере

в театре?

— Никогда. Наоборот: могу сказать о Юрии Николаевиче

только самые добрые слова.

— Григорович к вам обращался на "ты" или

на "вы"?

— Он со всеми был на "вы". Я же всегда вел себя

по отношению к своим руководителям очень уважительно

и старался держаться от них на расстоянии.

Белое трико и лайковые туфли

— Ваш отец был очень придирчив к своему сценическому облику. Вы тоже чрезвычайно внимательны и к своей внешности, и к костюму. Это идет от отца?

— Да. Я всегда сам прошиваю туфли, чтобы они

вдур не лопнули на спектакле, тщательно проверяю

костюм.

— Вы можете вспомнить свои первые балетные

туфли?

— Я могу вспомнить туфли, которые у меня были

в Америке. В Москве мы танцуем в тряпичных

туфлях; у меня была своя колодка, которую я сделал

с колодки Михаила Лавровского: она мне больше

подходила. В Америке туфли заказывают на одной

из фабрик, занимающейся поставками обуви для

театра. Эти туфли обычно белые. И есть огромный

шкаф, в котором находятся тысячи маленьких пуз-
зырьков с краской. Перед каждым спектаклем туфли

пульверизируют этой краской. Происходит это

буквально перед спектаклем — красят их в цвет трико.

Если во время спектакля стирается краска, то "спрещь" их — и танцуй дальше.

— Ваш отец первым стал танцевать в банде. Насколько трудно было пробить на советских подмостках столь смелую экипировку?

— В Москве — отец, в Ленинграде — Нуреев... До них на трико надевались пуфики — такие короткие штанишки. Я этого уже не застал. Меняется эстетика, и сейчас бандаж не воспринимается как что-то революционное. Правда, отец ввел еще одно новшество, и я это перенял у него. В его время, да и потом, было принято тщательно укладывать волосы, сильно их залачивать, делая маленький парик, отчего голова выглядела мертвой. Отец всегда танцевал со "свободной" головой. Я вслед за ним — тоже. Живые волосы придают танцу особую экспрессию.

Катюша и Ксюша

— Ваша первая жена Людмила Семеновна была старше вас. Повлияла ли она на ваше творчество?

— Я с большой теплотой отношусь к Людмиле Ивановне — очень ее любил как балерину. Конечно, повлияла. Мы с ней много танцевали вместе. В какие-то спектакли мне даже приходилось ее вводить.

— Говорят, что вы были с ней резки на репетициях?

— Это она сказала?

— Конечно, нет. Итак, вы были с ней

трепетным и нежным, да?

— Мне было непросто: она была профессионалом высшего класса, с великолепной петербургской школой классического танца, и спорить с ней в каких-то вещах было неуместно. Я очень уважал ее и многому у нее учился.

— Я так понимаю: вам не очень хочется вспоминать прошлых жен... Что же, обратимся к нынешней. Где вы с ней познакомились?

— В Петербурге. В Мариинском театре. Это судьба. У меня был подписан контракт с АБТ, но я решил вернуться в Россию: хотел танцевать в Мариинке. Самое сложное — это слететь с контракта, когда под тебя выстраивается репертуар, делается реклама. Мне это удалось. И вот я в Петербурге, в Мариинском театре. Все на меня смотрели как на идиота. Но я уверен, что все сделал правильно, поскольку нашел свою вторую половинку, а теперь у меня еще и дочь родилась. Как познакомились? Я

всегда люблю репетировать по вечерам. И в Мариинский приходил к девяти вечера, когда одни на спектакле, другие уже разошлись, и спокойно, в тишине, репетировал. И вот однажды пришел репетировать "Жизель" — и вижу в репетиционном зале Катюшу. Меня удивило, что и она тоже репетировала вечером.

— Что вас поразило в Кате, что сразу бросилось в глаза?

— Глаза. Необыкновенные голубые глаза.

— А что дальше? Вы в нее влюбились?

Предложили руку и сердце?

— Мы поехали в Париж, и наш роман протекал

в этом фантастическом городе, где все поднимается

до уровня Эйфелевой башни. У нас были красивые

гастроли, я много танцевал, все было очень поэтично...

Но период ухаживаний был большой — лет пять.

По глупости своей я считал, что нам и так хорошо.

Мне почему-то казалось, что штамп в паспорте

ухудшит наши отношения, официальность помещает.

На самом деле оказалось, что обряд венчания

(а мы венчались) — не формальность, а важный ритуал.

Два человека просят благословения у Господа на

создание семьи... Мы венчались в Петербурге, в

Никольском соборе, 22 мая.

— Сколько было гостей, где вы все это отмечали?

— Все было тайно. Мы были одни в храме, у нас

даже не было шафера. Так получилось, что мои

родные были в Москве. Катини — в Германии; мы не

хотели суеты, которая часто сопровождает обряд.

— А вы этим не обидели родных?

— Я думаю, на все воля Божья. Венчал нас

настоятель Никольского собора отец Богдан — он стал

нашим духовным наставником. Когда приезжаем в

Петербург, всегда с ним встречаемся, беседуем — в

нашей жизни все идет с его благословения. Если

куда-то уезжаем, то звоним ему и просим благословения

на поездку. Какие-то вещи он не разрешает нам

делать. Например, мы хотели крестить нашу

дочь Ксюшу в Германии, а он сказал, что благословляет

крестить ее в Москве. Мы его послушались и

крестили дочку в храме, что в Брюсовом переулке, а

назвали в честь Ксении Петербургской. Сейчас

Ксюше год и два месяца. Необыкновенное удовольствие

видеть утром, когда проснешься, его улыбающееся

лицо и как она тянется ко мне и говорит: "Папа, папа..."

Тут она пошла, и это тоже такое чудо —

видеть первые шаги своего ребенка!..

С Богом

— Танцовщику дарят на сцене цветы — а что потом происходит с этими цветами?

— Раньше они долго стояли в вазах; я помню

те фантастические букеты, которые дарили отцу

(скажем, сиреневые розы — это что-то невероятное!)

и вся ванна была завалена цветами. Отец

обожал цветы. Я сейчас отношу цветы в храм. Исходя

из моей жизненной философии и всего, что происходит

на земле, мы все — временные держатели

чего-то. Люди говорят: мое. Вот чашка — она моя

только временно; часы, которые я сейчас ношу, —

они мои, но тоже временно. Мы — временные

владельцы. Нуреева нет, и нет того, что он собирал всю

жизнь, — все распродано...

— Как давно вы изменились в своем отношении

к жизни и к людям?

— Когда мне исполнилось тридцать три года.

Мы побывали с Катюшей в путешествии по шести

странам — были в Иерусалиме, в Греции. В афонских

монастырях. Это Господь меня направил. Мы

говорим: сам, сам, сам... В действительности же

все — в тонких ниточках, и думать, что только ты все

делаешь, — наивно.

— Но отрицать и собственное участие в событиях

тоже нельзя? Тем более вам, который был столь

активным творцом своей карьеры... С чего

начинается ваш день?

— С молитвы.

— А заканчивается?

— Молитвой.

Владимир КОТЫХОВ.
Фото ИНЫ АЛОВЕРТ.

Меня Андрей

20.03.99